

УДК 343.9.01
ББК 67.511

Я.И. Гишинский,
доктор юридических наук, профессор
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Статья посвящена анализу основных тенденций развития современной криминологии. Вначале упоминаются основные этапы истории криминологии. Кратко рассматриваются критическая, «постмодернистская криминология», «культуральная» криминология и др. В работе использован анализ материалов одиннадцати ежегодных конференций Европейского Общества Криминологов (2001–2011) и четырех мировых криминологических конгрессов (1998–2011), участником которых был автор.

Ключевые слова: современная криминология; европейские и мировые конференции по криминологии.

Ya.I. Gilinsky,
Doctor of Law, Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia

CURRENT TRENDS IN THE WORLD CRIMINOLOGY

The paper contains the analysis of key development trends of contemporary criminology. At the beginning the author mentions main stages of criminology's history and gives a brief overview of critical, «post-modernist criminology», «cultural criminology», etc. The author uses the materials of eleven annual conferences of the European Society of Criminologists (2001–2011) and four World Congresses of Criminology (1998–2011), in which he participated.

Key words: modern criminology; European and world conferences of criminology.

*There are many criminologies
and many criminologists*.*

R. Michalovskj

Введение

Любая наука носит мировой характер. Не является исключением и криминология. Тем более что ее объект – преступность – также носит интернациональный характер. «Crime has been international for a long time»**. К чему приводит политика изоляционизма, хорошо известно по десятилетиям фактического запрета криминологии в СССР с начала 30-х до середины 60-х гг. Мы очень отстали от практики эмпирических исследований. Российская криминология не до конца избавилась от «любви» к смертной казни, от требований «борьбы», а то и «войны» с преступностью, от пренебрежительного отношения к достижениям зарубежных коллег.

Эта тенденция усилилась в последние десятилетия. Если в 60-е – 80-е гг. минувшего столетия были переведены и изданы многочисленные труды зарубежных коллег, то за 2000-е были опубликованы на русском языке только три-четыре. Правда, повезло профессору Нильсу Кристи, чьи труды издаются в России с 1985 г. по настоящее время. Лишь изредка можно встретить на международных форумах соотечественников. По данным Европейского Общества Криминологов (ESC), в 2009 и 2010 гг. среди его многочисленных членов был всего один представитель России [23, pp. 6-7; 24, pp. 6-7].

Ниже представлены некоторые тенденции мировой криминологии. Базой для анализа послужили труды иностранных коллег, участие в зарубежных конференциях, симпозиумах, конгрессах, личные беседы. Был предпринят контент-анализ материалов одиннадцати европейских криминологических конференций (2001–2011) и четырех мировых конгрессов (в Сеуле – 1998 г., Рио-де-Жанейро – 2003 г., Барселоне – 2007 г., Кобе – 2011 г.), в которых автору довелось принять участие.

* Есть много криминологий и много криминологов (здесь и далее перевод автора. – Я.Г.).

** «Преступность давно интернациональна» [46, p. 1].

Краткий обзор этапов развития криминологии

«Сегодня» началось одновременно
вчера, позавчера и «некогда».

Фернан Бродель

В истории криминологии выделяют несколько этапов:

1. *Классическая школа* уголовного права и криминологии (XVIII в.). Развитие ее криминологических идей связано с именами Ч. Беккариа (1738–1794) и И. Бенгата (1748–1832). Основная методология: философия, социальная философия, право.

2. *Позитивизм* (XIX–XX вв.). Включает биологическое (антропологическое) направление начиная с Ч. Ломброзо (1835–1909) и до наших дней [27]; психологическое направление от Г. Тарда (1843–1904) и социологическое направление с многочисленными школами и теориями. Основная методология: методы естественных, «позитивных» наук (наблюдение, опросы, измерения, эксперимент и др.).

3. *Критическая криминология и постмодерн* (конец XX – XXI в.). Основная методология: негативный аспект – отрицание всего предшествующего; позитивный момент – методы современных естественных наук (теория катастроф, теория хаоса, синергетика, «странный аттрактор», бифуркации и др.).

Названия направлений и школ и их временные рамки условны и по-разному освещаются различными авторами. Остановимся подробнее на последнем этапе. Предварительно заметим, что критическую (радикальную) и постмодернистскую криминологию характеризуют:

- критическое отношение ко всем предшествующим теориям;
- резко критическое отношение к современным общественным, экономическим, политическим, властным структурам;
- релятивистский подход к понятиям «преступность» и «преступление», как социальным конструктам [6];
- убежденность, что социально-экономическое неравенство служит основным источником преступности;
- критическое отношение к традиционным методам и средствам социального контроля над преступностью; признание «кризиса наказания»;

– обновление методологического инструментария.

Определенной вехой возникновения «радикальной» криминологии служит книга английских авторов Я. Тэйлора, П. Уолтона и Дж. Янга «Новая криминология» (1973) [49]. В ней обобщаются критические теории, проводится неомарксистская критика современного общества. Правонарушитель рассматривается как двойная жертва – общества и уголовной юстиции. Авторы исходят из того, что важным криминогенным фактором является неравенство возможностей, присущее современному капиталистическому обществу. Неравенство же возможностей есть результат неравенства классового, полового или этнического. По словам Айнштадтера и Генри, «вместо взгляда на некоторых людей как «плохие яблоки» или как причиняющих другим яблокам вред, критические криминологи видят в обществе «плохую корзину», в которой все больше яблок будет портиться... Решение – только в новой корзине» [25].

Р. Куинни (Quinney) и В. Чемблисс (Chambliss) рассматривают правопорядок в современном западном обществе как систему, созданную классом капиталистов для обеспечения своих интересов. Для финской исследовательницы Антиллы (равно как для А.М. Яковлева) преступники служат «козлами отпущения».

М. Брустен настойчиво проводит мысль о селективности уголовной юстиции и применении ею уголовных санкций, подтверждая это результатами эмпирических исследований.

Ф. Зак ставит под сомнение обоснованность имеющихся определений преступления и преступности. Он предлагает анализировать предмет криминологии с точки зрения различных дискурсов*. Зак усматривает значительную зависимость криминологии и ее теорий от властных структур. Он негативно относится к современным тенденциям глобализации и «экономизации» жизни и сознания. «Примат экономики губителен для общества в целом и криминологии в частности... В обществе с приматом экономики не мораль, а

* Дискурс – определенная область использования языка, единство которой обусловлено наличием общих установок для многих людей. Дискурсы изменяются со временем, а также от культуры к культуре. Так, по М. Фуко, меняется дискурс безумия: сперва безумец воспринимается как мудрец, провидец, затем – как преступник, позднее – больной.

деньги играют главенствующую роль в регулировании поведения» [5, с. 98, 99].

Авторы «Новых направлений в социологической теории» – П. Филмер, М. Филипсон, Д. Силверман, Д. Уолш, – будучи сторонниками феноменологического направления, не могли не затронуть проблемы девиантности и преступности. Их основная идея – конвенциональный характер и девиантности, и преступности. Отклонение «не внутренне присущее тому или иному действию качество, а следствие соотнесения действий с правилами и применения санкций к нарушителю... Социальное отклонение – это в значительной степени приписываемый статус, в нем фиксируются не только поступки самого отклоняющегося индивида, но и действия окружающих его людей» [9, с. 98, 99, 101]. Штампование «преступников» – это социальная работа, она есть продукт практической деятельности некоторых организаций, отражающий и поддерживающий представления их сотрудников о социальной структуре [9, с. 98, 286].

Относительно самостоятельным течением в криминологии считается аболиционизм*. Его последователи (Т. Матисен, Н. Кристи, Л. Хулсман, Х. Пепински, Р. Моррис, М. Платек и др.) выступают против современной пенитенциарной системы, за альтернативные меры социального контроля [35; 40]. Конечно, многие из них понимают, что немедленная отмена лишения свободы – утопия. Но стремиться к этому надо. Тюрьма никого не исправляет, а ломает личность и способствует повышению криминальной профессионализации.

Х. Пепински, а также Р. Куинни, являются основателями «миротворческой криминологии» (reacemaking criminology). Их усилия направлены на то, чтобы традиционную «войну с преступностью» заменить на «мир с преступностью» [42] (это не означает оправдания преступлений, речь идет о выработке оптимальной стратегии противодействия ей). Эскалация преступности, особенно насиль-

ственной, связана с эскалацией насилия со стороны государства, с институтом смертной казни и жестокими условиями пенитенциарных учреждений. Неслучайно в официальном докладе Американской национальной комиссии по уголовной юстиции (1996) предлагается перейти от стратегии «войны с преступностью» (war on crime) к стратегии «меньшего вреда» (harm reduction).

Множество криминологических теорий и обширный эмпирический материал привели в конце 70-х гг. прошлого века к попыткам создания обобщающих, интегративных теорий, на основе наиболее плодотворных элементов уже существующих [20].

Постмодернизм

Постмодернизм зарождается во второй половине XX в. как реакция на крушение иллюзий и мифов относительно человеческого разума, порядка, прогресса, развеянных страшными реалиями Освенцима, Холокоста, ГУЛАГа. Основателями постмодернизма обычно называют Ж.-Ф. Лиотара и М. Фуко, хотя последний не считал себя таковым.

Постмодернизм характеризуется скептицизмом по отношению к науке, релятивизацией всех знаний. Релятивны (относительны) и являются социальными конструктами – ценности, нормы, то, что называют преступностью, а также само общество как источник преступлений. Преступления причиняют вред, но он порождается и всей рутинной практикой, социальными институтами, такими как труд, бюрократия, правительство, право и семья. Постмодернизм отражает переход от классовой структуры к обществу фрагментарному. Чем более фрагментарно общество, тем больше в нем нормативных субкультур (а следовательно, и вариантов «отклонений»). И кто вправе судить, чьи нормы «правильнее» и что тогда есть «отклонения»?

Основная претензия постмодернизма к модернизму состоит в том, что последний вел скорее к угнетению, чем к освобождению. «Должна ли социология, наряду с другими типами гуманитарного знания участвовавшая в создании бентамовского Паноптикаона, – т. е., в конечном счете, всеобщей тюрьмы, – с прежним миссионерским жаром взяться за построение всеобщего постмодернистского

* От латинского *abolitio* – отменять, упразднить (английское *abolish*). Первоначально им воспользовались американские сторонники отмены рабства (XVIII–XIX вв. в США). Более широкое значение – отмена какого-либо закона – позволило многократно использовать этот термин сторонниками отмены чего-либо (например, регламентации проституции).

Бедлама?», – вопрошает З. Бауман [21].

В книгах М. Фуко «История безумия в классическую эпоху», «Рождение клиники», «История сексуальности: Забота о себе», «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» [12–15] исследуются преступность, проституция, бродяжничество, нищета, безработица, сумасшествие в контексте власти. Мы опутаны сетями власти. Новая дисциплинарная общественная формация с ее всеохватывающей дисциплинарной властью ассоциируется с тюрьмой. Этот образ «общество-тюрьма» повторяется в исследованиях современных зарубежных и отечественных авторов [50, p. 95–133; 10].

Переоценка всего и вся заставляет переосмысливать методологию исследования. Постмодернизм в криминологии обращается к таким общенаучным концепциям, как теории нелинейных динамических систем, теория хаоса, теория катастроф, синергетика, квантовая механика, к таким понятиям, как «странный аттрактор», бифуркация [39].

Одной из разновидностей постмодернизма является конститутивная криминология [32]. Ее суть заключается в том, что преступность и контроль над ней не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекста, в котором они продуцируются. Преступность – интегральная часть тотального продукта общества, часть культуры. Поэтому криминологический анализ преступности должен осуществляться в общей социальной картине, наравне с другими составляющими общества. Преступление – социально сконструированная категория. «Право – это игорный дом властей, преступление – их мышеловка» [32, p. 117]. В современных индустриальных странах зло группируется вокруг следующих различий: экономических (класс, собственность), политических (власть, коррупция), морально-этических, прав человека, социального статуса (статус, престиж, неравенство), психологического состояния (безопасность, благополучное существование), самореализации/актуализации, биологической целостности и др. [34, p. 283].

Преступность у постмодернистов – это ограничение властью индивида в его стремлении вести себя иначе, нежели предписывается властью (уголовным законом). Интересно, что отнюдь не постмодернист,

А.И. Долгова определяет преступность, как «социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета» [4, с. 7].

Культуральная криминология

Культуральная криминология представляется одним из последних достижений криминологической теории. Нельзя сказать, что ее положения абсолютно оригинальны. Важно, что преступность еще и еще раз воспринимается как элемент культуры. Для лучшего понимания культуральной криминологии следует напомнить, что «культура» выступает не в привычном для российского читателя исключительно «позитивном» смысле, как нечто положительное (отсюда бытовизмы: «культурный человек», «культурное поведение»), а как способ существования общественного человека [7; 8]. Способ существования, результатами которого являются как «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, так и надписи на заборе, как труды А. Эйнштейна, так и школьные шпаргалки, как возвышенная любовь, так и порнография, как подвиг, так и преступление (вспомним «Преступление и кара, подвиг и награда» П. Сорокина).

Д. Гарланд (David Garland), продолжая Фуко, исследует роль власти в стратегии социального контроля [28; 29]. Гарланд увязывает социальные изменения последних десятилетий, сконцентрированные в изменяющейся культуре, новые вызовы среднего класса (middle class), испытывающего страх перед преступностью (fear of crime), с противоречивой политикой властей.

С одной стороны, это адаптивная стратегия (adaptive strategy) с приоритетами превенции и партнерства (разновидность-концепция community policing, в которой полиция представлена как сервисная служба, содержащаяся на деньги налогоплательщиков и призванная предоставлять услуги населению по защите от преступлений [45]). С другой стороны, стратегия «суверенного» полномочного государственного контроля (sovereign state strategy) и жесткого, «экспрессивного» (expressive) наказания [29, p. 348].

Культуральную криминологию, наряду с Гарландом, развивают Дж. Янг (Jock Young), Дж. Феррел (J. Ferrel), К. Хейворд (K. Hayward) [26; 36; p. 102–121, 53] и др. Культуральная криминология есть рассмотрение преступности

и контроля над ней в контексте культуры, взгляд на преступность и агентов контроля как на культуральные продукты, созданные конструкции (as creative constructs) [36, p. 108]. Дж. Янг является одним из тех криминологов, которые применяют социологическую концепцию дифференциации людей на «включенных»/«исключенных» (inclusion/exclusion) для объяснения преступности в современном мире [52].

«Кризис наказания»

В большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля [19; 31; 37; 43; 44; 48; 51]. «Кризис наказания» проявляется, во-первых, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдался рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции. Во-вторых, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность *общей* превенции). В-третьих, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности *специальной* превенции. В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 5-6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека [11, с. 40-50; 16; 17]. Тюрма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.

Мировое криминологическое сообщество выступает против смертной казни; за минимизацию лишения свободы и допустимость ее применения только за тяжкие насильственные преступления и только в отношении совершеннолетних преступников; за расширение сферы деятельности «восстановительной юстиции» («restorative justice») и ювенальной юстиции; за приоритет превенции и службы пробации; внедрение практики медиации и др.

«Новые» преступления

Преступность и ее отдельные виды суть социальные конструкты. Но законодатель конструирует «преступность», отражая происходящие в обществе изменения. Так появляются «новые» преступления и исчезают

«старые». Переход России от «плановой» государственной экономики к рыночной привел к декриминализации «спекуляции», «частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества», «занятиям бродяжничеством или попрошайничеством либо ведения иного паразитического образа жизни». Одновременно оказались криминализованы деяния, присущие рынку (гл. 22 УК РФ).

Мировая криминология фиксирует появление «новых» – компьютерных, киберпреступлений (*electronic-crime* или *e-crime*), а также переосмысляет некоторые «старые» по содержанию преступления, придавая им новый смысл. К таким преступлениям относятся «преступления ненависти» (*hate crimes*) и «стокерство» (*stalking*).

Преступления по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды – «преступления ненависти» были всегда. Однако со второй половины XX столетия эти преступления приобрели характер острой социальной проблемы. Глобализация ускорила миграцию, смешение рас, этносов и культур, религий и обычаев. Это приводит к взаимному непониманию, раздражению по поводу «их» нравов, обычаев, привычек, стиля жизни и т. п. Не миновала чаша сия и Россию. Между тем ксенофобия, нетерпимость во всех ее проявлениях служит реальной угрозой существованию и отдельных обществ, и человечества в целом [1, с. 98-103; 2, с. 53-58].

Следует ограничивать преступления ненависти от еще одного вида преступлений, не артикулируемого в отечественной литературе, – «стокерства» или «сталкерства» (*stalkers* – упорные преследователи, «охотники») [41; 47]. Потенциальными и реальными жертвами стокеров (для россиян привычнее – сталкеров, благодаря роману братьев Стругацких и фильму А. Тарковского) могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья и т. д.), сослуживцы, коллеги по профессии, соученики. Нередко «стокерство» – результат психических отклонений, но может быть и следствием ревности, зависти, мести.

Существенное отличие «стокерства» от «преступлений ненависти» состоит в том, что, во-первых, стокеры преследуют конкретное лицо, а не неопределенный круг лиц,

принадлежащих к ненавистной группе. Во-вторых, стокер преследует и может учинить насилие по личным мотивам, вытекающим из личных неприязненных отношений (зависть, ревность, месть и т. п.).

Современные тенденции развития криминологии

При всей пестроте картины отметим наиболее значимые новеллы. Наряду с соответствующей литературой обратимся и к анализу тематики докладов на одиннадцати европейских конференциях и четырех мировых криминологических конгрессах. Всего проанализировано свыше 4500 выступлений на европейских конференциях и около 2000 на мировых конгрессах.

Легко объяснима динамика докладов о киберпреступности и терроризме. Так, на европейских конференциях в Лозанне (2001) и Толедо (2002) еще отсутствовали доклады, посвященные компьютерной преступности (киберпреступности). Правда, киберпреступность активно обсуждалась на мировых конгрессах: 12 докладов в Сеуле (1998) и 21 доклад в Рио-де-Жанейро (2003).

Первые три доклада о терроризме появились только на второй европейской конференции в Толедо, тогда как в Барселоне (2008) их уже 25. При этом в Сеуле был доклад о государственном терроре, что не часто служит темой криминологических обсуждений*. В Европе криминологическое осознание теракта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке нашло первое отражение на конференции 2002 г. и, нарастая количественно, выросло до 10-12 докладов в Кракове (2005 г.), Болонье (2007) и Любляне (2009).

Сокращается на европейских конференциях доля выступлений, посвященных организованной преступности. Зато на мировых конгрессах эта тематика освещалась достаточно активно (по 22 доклада в Сеуле и Рио-де-Жанейро, 26 – в Барселоне, 14 – в Кобе).

Стабильно велико число докладов о насильственной преступности (от 22 до 44 без выраженной тенденции)**. Значительная их доля посвящена домашнему насилию (Domestic violence). Почти на каждой конференции часть

докладов об убийствах «сопряжена» с темой самоубийств. Авторы усматривают связь между проявлениями агрессии и аутоагрессии.

Наблюдается различный интерес к проблеме жертв преступлений на европейских конференциях (от 6 докладов в Лозанне до 22 в Льеже) и мировых конгрессах (от 26 в Рио-де-Жанейро до 44 в Кобе и 55 в Сеуле). Значительная часть виктимологических выступлений посвящена детям – жертвам преступлений.

На европейских конференциях и мировых конгрессах были представлены доклады о таком «неизвестном» для российского читателя преступлении, как «стокинг» (stalking) – преследовании по мотивам личной вражды, ненависти, неприязни. В Рио-де-Жанейро был доклад о «cyber-stalking», а в Барселоне – о «gang stalking».

Тема наркотиков и, прежде всего, антинаркотической политики отражена ежегодно в 7-28 докладах (41 в Кобе). Значимой представляется смена парадигм, обозначенная в одном из докладов в Кобе (2011): «From Punishment to Harm-Reduction» («От наказания к сокращению вреда»).

Удельный вес сообщений о преступности несовершеннолетних и ювенальной юстиции колеблется от 4,9% (Толедо, 2002) до 9,6% (Эдинбург, 2008).

Относительно стабильны на европейских конференциях количество докладов о «страхе перед преступностью» (fear of crime): ежегодно 7-14 без видимой динамики. Эта тема, практически не разрабатываемая отечественной криминологией, интересна тем, что прослеживается связь между «моральной паникой» (moral panic, по С. Козну), «страхом перед преступностью» и репрессивностью массового сознания (особенно – среднего класса, которому есть что терять), а, соответственно, репрессивностью законодательства и правоприменения [22].

На всех конференциях и конгрессах многие проблемы преступности рассматривались с более широких «девиантологических» позиций в связи с проституцией, наркотизмом, алкоголизмом, иными аддикциями, включая гемблинг (игровая зависимость)*.

Наиболее устойчивым является интерес к проблемам, связанным с контролем над

* Разносторонний подход к проблеме террора и терроризма представлен также в [30].

** О насилии в разных странах см. также [18].

* См. также [38].

преступностью. Вопрос «что делать?» явно преобладал над всеми другими темами. Это представляется особенно значимым. Количество докладов на тему «социальный контроль над преступностью» колебалось на европейских конференциях от 25 (Лозанна, 2001) до 67 (Эдинбург, 2008). Тема «уголовная юстиция», включая «восстановительную юстицию» (restorative justice), была представлена от 7 докладов в Лозанне (2001) до 44 в Вильнюсе (2011). Превенции и пробации были посвящены от 2,6% всех выступлений в Кракове (2006) до 11,0% в Лозанне (2001). Если на двух первых европейских конференциях проблемы полиции обсуждались в 15-17 докладах (Лозанна и Толедо), то в дальнейшем количество выступлений на эту тему выросло до 42-43 (Любляна, Вильнюс). Наконец, количество выступлений по тюремным проблемам увеличилось с 15-17 докладов в Хельсинки (2003) и Лозанне (2001) до 40-47 в Эдинбурге (2008), Любляне (2009) и Вильнюсе (2011). Всего же общим проблемам контроля над преступностью, включая все названные темы, на европейских конференциях были посвящены от 21% всех выступлений в Тюбингене (2006) до 38-44,3% в Лозанне, Толедо, Любляне, Вильнюсе. Еще внушительнее количество и удельный вес докладов на эту тему на мировых конгрессах: 171 выступление в Сеуле (34,3% от общего количества), 147 в Рио-де-Жанейро (39,2%), 126 в Барселоне (33,2%) и 234 в Кобе (34,5%). Это свидетельствует о растущем беспокойстве криминологического сообщества неэффективностью традиционных методов противодействия преступности. Во многих докладах затрагивались вопросы альтернативных лишению свободы мер наказания, электронного слежения и медиации*, пока еще почти не практикуемой в России. Медиация обсуждалась на всех мировых конгрессах. В Сеуле был доклад «Медиация против тюремного заключения» («Mediation versus imprisonment»).

* Медиация – одна из современных технологий альтернативного урегулирования конфликтов (между обвиняемым и потерпевшим, между заключенным и администрацией пенитенциарного учреждения и т. п.) с участием третьей нейтральной, не заинтересованной в данном конфликте стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение.

Заключение

Даже краткий анализ развития мировой криминологии позволяет сделать ряд выводов.

1. Большинство криминологов не сомневаются в социальной природе преступности и рассматривают ее как продукт общества, культуры, а кримиологию – как социологию преступности.

2. Преступность суть социальный конструкт, «конструируемый» законодателем отчасти в соответствии с реальной общественной опасностью деяний, отчасти – выполняя политические интенции и предпочтения властных структур, политических режимов.

3. Обычно криминологами исследуется преступность как одна из разновидностей девиантности, наряду с иными правонарушениями, а также наркотизмом, суицидом, проституцией, злоупотреблением алкоголем и иными негативными девиантными проявлениями.

4. Дальнейшее развитие получают теории, усматривающие основную причину преступности и отдельных ее видов в самой структуре общества, в социально-экономическом неравенстве, в культуре. Структурные пороки усиливаются глобализацией, приводя к объективному разделению людей, групп, классов, государств на «включенных» (included) в современные экономические, социальные, политические, культурологические процессы или же – «исключенных» (excluded) из них.

5. Криминология все более пристально изучает такие относительно «новые» криминальные явления, как «преступления ненависти», «стокерство», компьютерные преступления (киберпреступность).

6. В течение последних двух десятилетий все большее внимание уделяется проблемам социального контроля над преступностью. Традиционные меры проявили свою неэффективность. Превенция, на которую возлагалось столько надежд, тоже далеко не всегда эффективна [3; 33, p. 67–68]. «Кризис наказания» становится все более очевидным. Менее очевидно – что делать? Каковы альтернативы наказанию и, прежде всего, лишению свободы? Именно этим проблемам посвящены многочисленные труды криминологов разных стран.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гилинский Я.И.* Интолерантность в современной России // Толерантность и интолерантность в современном обществе. – СПбГУ, 2005. – С. 98–103.
2. *Гилинский Я.И.* Толерантность в России: возможность и невозможность // Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире. – СПбГУ, 2004. – С. 53–58.
3. *Грэхем Д., Бенетт Т.* Стратегия предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. – Хельсинки, 1995.
4. *Долгова А.И.* Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М., 2003. – С. 7.
5. *Зак Ф.* Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. – 1999. – №1. – С. 98, 99.
6. Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. – СПб., 2011.
7. *Маркарян Э.С.* Очерки теории культуры. – Ереван, 1969.
8. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). – М., 1983.
9. Новые направления в социологической теории. – М., 1978. – С. 98, 99, 101.
10. *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М., 2001.
11. *Пирожков В.Ф.* Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1981. – Вып. 35. – С. 40–50.
12. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. – СПб., 1997.
13. *Фуко М.* История сексуальности – III: Забота о себе. – М., 1998.
14. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999.
15. *Фуко М.* Рождение клиники. – М., 1998.
16. *Хохряков Г.Ф.* Парадоксы тюрьмы. – М., 1991.
17. *Хохряков Г.Ф.* Формирование правосознания у осужденных. – М., 1985.
18. *Adler L., Denmark F. (Eds.)* International Perspectives on Violence. – Westport (CT) : Praeger, 2004.
19. *Albanese J.* Myths and Realities of Crime and Justice. – Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990.
20. *Barak G.* Integrating Criminologies. – Allyn and Bacon, 1998.
21. *Bauman Z.* Intimations of Postmodernity. – L. : Routledge, 1992.
22. *Bilsky W., Pfeiffer Ch., Wetzels P. (Eds.)* Fear of Crime and Criminal Victimization. Stuttgart: Enke Verlag, 1993.
23. Criminology in Europe. Newsletter of the ESC. – 2010. – Vol. 9, No 2. – Pp. 6–7.
24. Criminology in Europe. Newsletter of the ESC. – 2011. – No 2. – Pp. 6–7.
25. *Einstadter W., Henry S.* Criminological Theory: An Analyses of Its Underlying Assumption. – Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1995. – P. 227.
26. *Ferrel J., Hayward K., Young J.* Cultural Criminology. – SAGE, 2008;
27. *Fishbein D.* Biobehavioral Perspectives in Criminology. – Wadsworth, 2001.
28. *Garland D.* The Culture of Control. – Oxford University Press, 2001.
29. *Garland D.* The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies // The British Journal of Criminology. – 2000. – Vol. 40 No 3. Pp. 347–375;
30. *Gilly T., Gilinskiy Y., Sergevin V. (Eds.)* The Ethics of Terrorism. Innovative Approaches from an International Perspective. Springfield (Ill.): Charles C Thomas Publisher, Ltd, 2009.
31. *Hendrics J., Byers B.* Crisis Intervention in Criminal Justice. – Charles C Thomas Publishing, 1996.
32. *Henry S., Milovanovic D.* Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. – SAGE Publications, 1996.
33. *Lab S.* Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carroll) // Security Journal. – 1999. – Vol. 12, No 3. Pp. 67–68.
34. *Lanier M., Henry S.* Essential Criminology. – Westview Press, 1998. – P. 283.
35. *Lasocik Z., Platek M., Rzeplinska I. (Eds.)* Abolitionism in History. On another way on thinking. – Warszawa, 1991.
36. *Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.)* The Oxford Handbook of Criminology. – Oxford University Press. – Pp. 102–121.
37. *Mathisen T.* The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. – Oslo; London, 1974.
38. *Meyer G., Hayer T., Griffiths M. (Eds.)* Problem Gambling in Europe. Challenges, Prevention, and Interventions. – Springer, 2009.

39. Milovanovic D. Postmodern Criminology. – NY; L: Garland Publishing, Inc., 1997.
40. Morris R. Crumbling Walls. Why Prisons Fall. NY; L : Mosaic Press, 1989.
41. Mullen P., Pathé M., Purcell R. Stalkers and their Victims. – Cambridge University Press, 2000.
42. Pepinsky H., Quinney R. (Eds.) Criminology as Peacemaking. – Bloomington : Indiana University Press, 1991.
43. Robinson M. Justice Blind? Ideals and realities of American Criminal Justice. – Prentice Hall, 2002.
44. Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. – NY : Random House, 1996.
45. Skogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. – Oxford University Press, 1997.
46. Smith C., Zhang S., Barberet R. (Eds.) Routledge Handbook of International Criminology. – Routledge, 2011. – P. 1.
47. Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention. – Stockholm, 2006.
48. Tak P., Jendly M. (Eds.) Prison Policy and Prisoners' Rights. – Wolf Legal Publishers, 2008.
49. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. – L. : Routledge and Kegan Paul, 1973.
50. Wacquant L. Deadly Symbiosis. When Ghetto and Prison meet and mesh // Punishment and Society. – Vol. 3, No 1. – 2001. – Pp. 95–133.
51. Whitman J. Harsh Justice. Criminal Punishment and the Widening Divide between America and Europe. – Oxford University Press, 2003.
52. Young J. The Exclusive Society. – SAGE, 1999.
53. Young J. The Vertigo of Late Modernity. – SAGE Publications, 2007.

REFERENCES

1. Gilinsky Ya.I. *Tolerantnost' i intolerantnost' v sovremennom obshchestve* [Tolerance and Intolerance in Modern Society]. Saint-Petersburg State University, 2005, pp. 98–103.
2. Gilinsky Ya.I. *Aktual'nye aspekty problemy tolerantnosti v sovremennom mire* [Topical Aspects of the Issue of Tolerance in the World Today]. Saint-Petersburg State University, 2004, pp. 53–58.
3. Graham J., Bennett T. *Strategiya preduprezhdeniya prestupnosti v Evrope i Severnoj Amerike* [Crime Prevention Strategies in Europe and North America]. Helsinki, 1995.
4. Dolgova A.I. *Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo* [Criminality, its Organization and Criminal Society]. Moscow, 2003, p. 7.
5. Zak Ph. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 1999, no.1, pp. 98, 99.
6. *Konstruirovaniye deviantnosti* [Constructing Deviation]. Saint-Petersburg, 2011.
7. Markaryan E.S. *Ocherki teorii kul'tury* [Essays on the Theory of Culture]. Yerevan, 1969.
8. Markaryan E.S. *Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka (logiko-metodologicheskij analiz)* [Theory of Culture and Modern Science (logical and methodological Analysis)]. Moscow, 1983.
9. *Novye napravleniya v sotsiologicheskoy teorii* [New Trends in the Theory of Sociology]. Moscow, 1978, pp. 98, 99, 101.
10. Olejnik A.N. *Tyuremnaya subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoj zhizni do gosudarstvennoj vlasti* [Prison Sub-Culture in Russia: from Everyday Life to State Power]. Moscow, 2001.
11. Pirozhkov V.Ph. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Issues of Fighting Crime]. Moscow, 1981, Vol. 35, pp. 40–50;
12. Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [The History of Madness in the Classical Age]. Saint-Petersburg, 1997.
13. Foucault M. *Istoriya seksual'nosti - III: Zabota o sebe* [The History of Sexuality. Vol. 3: The Care of the Self]. Moscow, 1998.
14. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, 1999.
15. Foucault M. *Rozhdenie kliniki* [The Birth of the Clinic] Moscow, 1998.
16. Khokhryakov G.Ph. *Paradoksy tyur'my* [Paradoxes of the Prison]. Moscow, 1991.
17. Khokhryakov G.Ph. *Phormirovaniye pravosoznaniya u osuzhdennykh* [Development of Legal Awareness in Convicts]. M., 1985.
18. Adler L., Denmark F. (Eds.) *International Perspectives on Violence*. Westport (CT) : Praeger, 2004.
19. Albanese J. *Myths and Realities of Crime and Justice*. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990.
20. Barak G. *Integrating Criminologies*. Allyn and Bacon, 1998.
21. Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. L.: Routledge, 1992.
22. Bilsky W., Pfeiffer Ch., Wetzels P. (Eds.) *Fear of Crime and Criminal Victimization*. Stuttgart: Enke Verlag, 1993.

23. Criminology in Europe. Newsletter of the ESC. 2010. Vol. 9. No 2. Pp. 6–7;
24. Criminology in Europe. Newsletter of the ESC. 2011. No 2. Pp. 6–7.
25. Einstadter W., Henry S. Criminological Theory: An Analyses of Its Underlying Assumption. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1995. P. 227.
26. Ferrel J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008;
27. Fishbein D. Biobehavioral Perspectives in Criminology. Wadsworth, 2001.
28. Garland D. The Culture of Control. Oxford University Press, 2001.
29. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent “Law and Order” Policies. The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. No 3. Pp. 347–375;
30. Gilly T., Gilinskiy Y., Sergevnin V. (Eds.) The Ethics of Terrorism. Innovative Approaches from an International Perspective. Springfield (Ill.): Charles C Thomas Publisher, Ltd, 2009.
31. Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996.
32. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. SAGE Publications, 1996.
33. Lab S. Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carrol). Security Journal. Vol. 12. No 3. 1999, p. 67-68.
34. Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998. P. 283.
35. Lasocik Z., Platek M., Rzeplinska I. (Eds.) Abolitionism in History. On another way on thinking. Warszawa, 1991.
36. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Oxford University Press. Pp. 102–121.
37. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory. Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-London, 1974.
38. Meyer G., Hayer T., Griffiths M. (Eds.) Problem Gambling in Europe. Challenges, Prevention, and Interventions. Springer, 2009.
39. Milovanovic D. Postmodern Criminology. NY-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.
40. Morris R. Crumbling Walls. Why Prisons Fall. NY-L.: Mosaic Press, 1989.
41. Mullen P., Pathé M., Purcell R. Stalkers and their Victims. Cambridge University Press, 2000.
42. Pepinsky H., Quinney R. (Eds.) Criminology as Peacemaking. Bloomington : Indiana University Press, 1991.
43. Robinson M. Justice Blind? Ideals and realities of American Criminal Justice. Prentice Hall, 2002.
44. Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY : Random House, 1996.
45. Skogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. Oxford University Press, 1997.
46. Smith C., Zhang S., Barberet R. (Eds.) Routledge Handbook of International Criminology. Routledge, 2011. P. 1.
47. Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention. Stockholm, 2006.
48. Tak P., Jendly M. (Eds.) Prison Policy and Prisoners’ Rights. Wolf Legal Publishers, 2008.
49. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L.: Routledge and Kegan Paul, 1973.
50. Wacquant L. Deadly Symbiosis. When Ghetto and Prison meet and mesh. Punishment and Society. Vol. 3. No 1. 2001. Pp. 95–133.
51. Whitman J. Harsh Justice. Criminal Punishment and the Widening Divide between America and Europe. Oxford University Press, 2003.
52. Young J. The Exclusive Society. SAGE, 1999.
53. Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007.

Информация об авторе

Гилинский Яков Ильич (Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (198161, г. Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 48, корп. 20, e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com)

Information about the author

Gilinsky, Yakov Ilyich (Saint-Petersburg) – Doctor of Law, Professor, Head, Chair of Criminal Law. Herzen State Pedagogical University of Russia (Bld. 20, Naberezhnaya reki Moiki, 48, Saint-Petersburg, 198161, e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com)